

— Окуна, ты зачем волосы покрасила?

— Как зачем? Сегодня День святого Валентина! Забыла, что ли? Я собираюсь признаться Рюичи-куну. Хотела хорошо выглядеть, чтобы было не так стыдно подойти к нему.

— А, так ты всё-таки решилась, — Джанко с грустью отвела взгляд. — Не стоит идти на такие жертвы ради человека, которого толком не знаешь.

— Какие жертвы? Я всё не могла добраться от седины избавиться, а тут мотивация появилась. Но если он примет мой подарок, то я точно не зря потратилась на парикмахера и косметос. Пустя скорее, мне же холодно.

— Дурочка, я же столько раз говорила, — девушка повыше отошла от дверного проёма и жестом пригласила подругу войти, — ты прекрасна без макияжа, и я готова поспорить, что лет через 10-20 пепельный блонд будет в моде, все тебе обзавидуются.

— Ты так говоришь, только потому что мы дружим. И, как по мне, жить надо настоящим, а сейчас все подшучивают надо мной.

— Они просто ничего не понимают, — Хигашиката продолжила тише. — И я действительно так считаю по другой причине.

Ниджимура её не расслышала и прошла на кухню, где каждое утро буднего дня можно было услышать необъяснимо уютный запах домашнего европейского завтрака. Иногда она приходила пораньше и составляла компанию Джанко и её отцу за хрустящими тостами, несмотря на то, что перед выходом подавала своей матери более сложные блюда. Дело было не столько в том, что чужая стряпня казалась вкуснее, сколько в семейной атмосфере, которую она не ощущала в своём доме. Как и в прошлом году, Томоя с радостью принял её шоколад. Когда они познакомились, он был рад, что его отстранённая дочь-хулиганка с кем-то поладила, но спустя полгода заметил, с какой тоской и нежностью она порой на неё смотрела. Он не осуждал её предпочтения в выборе партнёра, а накануне и вовсе предложил свою помощь в выпечке, потому что, по его мнению, никакие магазинные конфеты не способны передать глубокие чувства. Крашенная брюнетка просияла от счастья, увидев торт, украшенный кремовыми сердцами, и её подарок — коробка шоколадных конфет ручной работы, над которыми она так трудилась весь вечер, чтобы не обделить лучшую подругу и получить комплимент за кулинарные способности — вдруг перестал быть предметом её гордости, но смятение сменилось удовлетворённостью, когда Джанко с тёплой улыбкой поблагодарила её и обняла. Выпив горячий кофе, они оставили сладости в холодильнике и отправились на занятия.

Едва сдержавшись до большой перемены и трясаясь от волнения, Окуна призналась самому популярному парню школы, но тот оттолкнул её и обозвал уродиной. Хигашиката рассвирепела и так сильно ударила его в челюсть, что он отлетел и разбил затылок. Она плюнула ему в лицо и рывкнула, что отвергать следует пожежливее, но не вылечила, как зачастую поступала со своими обидчиками. Ниджимура была способна постоять за себя, если не было необходимости думать и если речь не шла о сердечных делах, потому она разрыдалась, прижавшись лицом к животу Джанко, когда та села на парту и стала гладить её по голове. Ей было искренне обидно за подругу, но в то же время ей стало легче: меньше всего на свете ей хотелось, чтобы её увёл какой-то придурок. Никто другой не достоин даже смотреть на неё. Что уж говорить о том, чтобы слышать заразительный смех, пребывать в до боли крепких объятьях и заниматься всякими приятными глупостями. Например, есть мороженое каждое утро понедельника вне зависимости от погоды.

— Прости, я должна была насторожиться, когда они оценивали девочек, как мясо: у кого грудь «сочнее», у кого — попа. Но если бы я знала, что этот Рюдзи настолько говнюк, то непременно бы тебя остановила. Ещё хоть раз кто-то тебя тронет — убью нахер! Тупые животные, как же бесят... — в этом мире есть только две вещи, способные вывести её из себя достаточно, чтобы заставить опрометчиво броситься в драку: когда нелестно отзываются о её великолепном начёсе и когда плохо обращаются с её предметом воздыхания. Бледный тональный крем, контрастировавший со смуглой кожей, испачкал её матроску. Джанко почистила её своим стандом, но стёрла остатки густо нанесённой туши и сиреневых теней влажной салфеткой, не упустив возможности прикоснуться к горячему и влажному от слёз лицу Окуны. — И зачем ты так наштукатурилась?

— Да я шрамы пыталась замазать, — поймав себя на мысли, что Хигашиката выглядит особенно завораживающе, когда злится, и расслабившись от нежности её ладоней, Ниджимура устроилась поудобнее, положив голову на её бёдра, но спустя минуту подскочила и ударилась лбом о её подбородок. — Охренеть! И почему я только сейчас до этого додумалась?! Используй свой Crazy Diamond, чтобы убрать их!

— Ай, больно же! Идиотка, вспомни, сколько раз я лечила тебя от всякой фигни. Раз они всё ещё здесь, значит, это бесполезно. Чего ты из-за них вдруг стала париться?

— Вспомнила недавно, как ты листала мой семейный альбом и сказала, что я была милой. Да и сестра обзывалась чуть реже, пока стрела не сделала меня такой, — она нахмурилась, обмякла на стуле и сняла позолоченную заколку со знаками валют, позволив чёлке закрыть половину лица. — И почему только мне так не повезло? Никто ведь больше не изменился, а Юкио-кун вообще заполучил роскошную шевелюру благодаря Love Deluxe.

— Боже, да ты неправильно меня поняла! Я просто удивилась, что ты и прежде была хорошенькой. Не посчитала нужным уточнить, что настоящая ты нравишься мне куда больше, — С первой встречи Хигашиката сочла её внешность несурзадной и даже поддразнивала её, но по прошествии более полутора лет стала стыдить себя за то, что не сразу прониклась уникальным шармом, сочетавшим в себе звериную необузданность и детскую непосредственность. У неё не было конкретных предпочтений в девушках, но, если бы два года назад ей сказали, насколько сильно будет скучать по седому каре Ниджимуры, она бы ни за что не поверила. Она отодвинула волосы со лба Окуны, положила руки на её впалые щеки, наклонилась и поцеловала в кончик носа, проведя большими пальцами по тонким впадинкам. — Запомни: крестообразная метка — это доказательство того, что ты сокровище, и я, чёрт возьми, никому тебя не отдам.

Едва заметные карие радужки задрожали от переизбытка эмоций их обладательницы, которая в оцепенении смотрела в синие глаза, обрамлённые длинными ресницами и доведённые до совершенства соболиными бровями. Она не могла простить себе зависть, которой в 1999 году разгоралась каждый раз, когда её взгляд останавливался на них и на пухлых губах, переливающихся светло-розовым блеском гигиенической помады. С неопределённых пор этот разъедающий изнутри яд сменился на болезненно приятный трепет, и теперь Ниджимура не признавала, что изначально стала заходить за Джанко только из-за того, что ей больше не на кого было положиться. Неотъемлемая харизма рода Джостаров, острый ум и доброта — это то, что лежит на поверхности, но было в ней что-то ещё, нечто, благодаря которому хотелось видеть её каждый день, и даже общепризнанная красота не препятствовала этому желанию, а, наоборот, усиливала его настолько, что общения и созерцания становилось недостаточно. Её присутствие и случайные прикосновения дарили душе удивительный покой, которым она не могла насытиться, но продолжительный тактильный контакт порой вызывал у неё напряжение, особенно когда они были наедине. Окуна смутилась от осознания своего предвкушения, что

этим вечером вновь испытает его в честь её огорчения, но вместо того, чтобы отстраниться, приняла прежнее положение, чтобы скрыть румянец. В мыслях Хигашикаты не было ничего, кроме щенячьего восторга и навязчивого желания прижать всё её тело до хруста костей, но презрительные взгляды и шёпот девушек, стоявших неподалёку, вернул её в реальность. Сплетницы давно и необоснованно сошлись во мнении, что она использовала Окуну в качестве страшной подружки, чтобы выглядеть более эффектно на её фоне. Они сочувствовали чрезмерно простодушной однокласснице, потому у Джанко не было достаточно гнева, чтобы преподать им урок грубой силой, но её расстраивало то, что обида за ненароком отнятое мужское внимание ослепляла их настолько, что не позволяла увидеть столь очевидную неподдельную любовь. Она хмурым взглядом проводила их из класса и заметила Коинэ, которая помахала ей рукой, напомнив об их договорённости пообедать вместе, но Юкио, нависший над ней сзади, положил руку ей на плечо и сказал: «Не стоит им мешать» — а после посмотрел на Хигашикату без свойственной ему агрессии, но с явным негодованием: благодаря шоколаду от возлюбленной, у него было необычайно хорошее настроение. Он высказал своё отношение лишь однажды прошлым летом, когда Окуна не пришла в школу по состоянию здоровья, а Хиросэ подметила, как уныло Джанко вела себя каждый раз, когда они были разлучены. Тогда он выругался: «Я, блять, даже не знаю, кто из вас двоих тупее! Твою мать, просто признайся ей уже, а то задолбала так громко вздыхать». Она не последовала его совету, потому что не хотела подвергать их дружбу риску, но решила, что хуже не станет, если начнёт проявлять больше нежности и заботы с маленькой надеждой, что достойное обращение подтолкнёт Ниджимуру переосмыслить свою ориентацию. В тот же день она купила грелку в аптеке и пришла к ней домой, чтобы спросить о самочувствии и помочь облегчить боль. Спустя полгода их отношения, казалось, совсем не изменились, и Джанко стала довольствоваться тем, что имела, но не подозревала, что происходило в голове у той, кого она так желала.

Миниатюрная старшеклассница и её партнёр ушли вдвоём, а девушки оставшуюся перемену так и провели в объятьях друг друга, поэтому последние уроки длились для них особенно медленно и мучительно. Тем не менее, по пути из школы они не стали ничего покупать, чтобы не перебивать аппетит. Джанко взяла подарки и сумку с необходимыми вещами, чтобы утром не возвращаться домой и сразу пойти на занятия. В прошлом учебном году Томоя упрекал дочь за внезапные ночёвки посреди недели, но перестал это делать, когда проследил по табелям, что её успеваемость не снизилась, хотя, к сожалению, и не улучшилась. Он не считал себя в праве контролировать её личную жизнь, и всё же ему было спокойнее от того, что она проводила ночи у подруги, а не на улице с сомнительной компанией. Кроме того, он видел Окуну так часто, что стал воспринимать её как неотъемлемую часть семьи, и в отсутствие Джанко мог долго играть в приставку и не беспокоиться об ужине после тяжёлого рабочего дня.

Конечно, Ниджимура предпочла бы остаться в доме Хигашикаты: делить полноценную, пусть и односпальную кровать ей нравилось гораздо больше, чем спать на стареньком футоне в считанных сантиметрах над холодным полом. Хорошо освещённый домик был уютнее её мрачного жилища, слишком просторного для двух человек. В отличие от сестры, она хорошо обращалась со своей матерью и делилась с ней событиями прошедшего дня, пока возилась на кухне. Ни Crazy Diamond, ни еда Труссарди не восстановили её человеческий облик, но она определённо стала мыслить яснее, поскольку осознанно слушала и по-разному реагировала на истории своего единственного живого ребёнка. Окуна ценила её внимание, и всё же чужой дом стал первым местом, где ей всегда были рады. Отец Джанко слишком редко отправлялся в командировки, а переругиваться во время файтинга у него на глазах было стыдно, зато мать её подруги большую часть времени проводила в своей комнате за чтением несложных текстов и не возражала отнюдь не из-за неспособности к речи. Ей понадобилось немало времени, чтобы принять неизбежное развитие их отношений, но в конечном счёте она стала радоваться тому,

что её нерешительная дочь нашла надёжную опору.

Девушки сели за кофейный столик перед телевизором, прислонившись спинами к дивану, на котором расположилась мать. Они втроём смотрели «Гарри Поттер и философский камень», ели шоколад и пили зелёный чай. Джанко удивилась потрясающему вкусу её торта и решила попросить у отца такой же на её День рождения. Сама она совершенно не справлялась на кухне: все её блюда оказывались либо пережаренными, либо просто-напросто несъедобными. Благо ей не приходилось тратиться на продукты ради каждой попытки что-то приготовить. Она была уверена в себе, но ей казалось, что если не через внешний вид и характер, то хотя бы через желудок сможет проложить путь к сердцу. Окуна впервые приблизилась к плите только после смерти сестры, и поначалу у неё получалось неважно, но советы шеф-повара Антонитты раскрыли её талант. На День святого Валентина она хотела выложиться по максимуму и пролистала не одну кулинарную книгу в книжном магазине, чтобы сделать ассорти конфет как можно более разнообразным: цельный фундук, дроблёный грецкий орех, пралине, конфитюр из различных ягод, кокосовая стружка, марципан. Хигашиката пожалела, что не видела столь кропотливый процесс, потому что Ниджимура выглядела чрезвычайно умильно, когда чем-то увлекалась и старалась: высывала кончик языка, кряхтела, ахала при успехе и гневно грозилась бросить всё при неудаче. Она усмехнулась, представив, как Окуна кричала самой себе: «Ну нахер, я это говно вообще делать не буду! — но быстро успокаивалась и продолжала. - Чего добру пропадать?» Её взгляд упал на маленькие коробочки — дружеский шоколад для Хиросэ и Хазекуры, с которыми они так и не пересеклись. Но что ей больше всего бросилось в глаза, так это то, что даже отвергнутый подарок для предмета воздыхания не был таким большим и содержательным, как для неё. Когда мать отошла, она приобняла подругу и потёрлась щекой о её плечо, не в силах сдержать интенсивный прилив нежности.

— Ты ж моя хорошая, подарила мне самую большую коробку. Неужто я тебе дороже мальчика, с которым ты хотела встречаться?

— Чё ты так неожиданно-то? Я чуть чай не пролила! — щёки смуглой девушки побагровели. — Лучшей подруге — лучшие конфеты, очевидно же, нет? Да и не то чтобы он мне нравился, просто он симпатичный, потому я и подумала: «Почему бы не попытаться?»

Джанко нахмурилась. Почему Окуна вообще решила признаться тому, к кому не испытывала особых чувств? Она намерилась обсудить это позже, когда почувствовала на макушке вес её головы, как будто кошка по своей воле легла ей на колени, но на душе стало так тепло, что не хотелось отвлекаться на негативные мысли.

От перенасыщения сахаром им стало плохо. Джанко расстегнула молнию сзади на ушитой матроске, чтобы не стеснять переполненный живот, а Окуна свернулась на диване от головной боли. Так они провели целый час в тишине, пока не захотели солёного. У хозяйки дома не было ни сил, ни желания готовить — прошлым вечером она истратила весь запал — и они прошлись до ближайшего магазина за рисовыми шариками и сэндвичами. После незатейливого, но плотного ужина им стало лучше, но вместо того, чтобы делать домашнюю работу, они до глубокой ночи играли в «Mortal Kombat», шуточно угрожая порвать друг друга. Хигашиката первой сходила в душ и вскоре увидела знакомую картину, которая от родства и домашнего уюта казалась даже более притягательной. В подобные моменты уединения для неё не было ничего соблазнительнее свободной белой майки, прилипшей к влажному телу, капель воды, капавших с волос, и протяжённого зевка с потягиваниями. Её вечерняя усталость и лень контрастировала с безудержной дневной эмоциональностью, она говорила о своём, но голос становился вялым, пока не умолкал насовсем и она не проваливалась в сон, так и не успев пожелать спокойной ночи. Джанко любила её больше всего на свете во всех проявлениях: и в матроске с подвёрнутой юбкой, значками и вышивкой на рукавах, когда она стучала

карандашом по губам и витала в облаках на истории Японии; и в спортивной форме, когда она, запыхавшаяся и вспотевшая, пила из фонтанчика; и без ужасного макияжа, и даже с ним; и с неизменно глупой широкой улыбкой, и в слезах из-за повседневных мелочей. Окуна всегда была честной девочкой, но именно этот вид раскрывал её необъяснимый уникальный взрослый эротизм, такой небрежный и настоящий. Джанко заряжалась её позитивной энергией, но в подобные моменты замирала, как будто малейшее движение или слово разрушит эту картину. Из оцепенения её вывел вопрос о том, какие конфеты ей больше всего понравились. Она ответила, что ореховые, когда Ниджимура рухнула на соседний футон и сказала:

— Мама съела все неудачные ягодные, но с орехами ещё немало осталось. Они вроде такие же на вкус, просто некрасивые, заберёшь завтра, если захочешь. Торт, кстати, просто бомбезный. Мы так давно знакомы, а я понятия не имела, что ты и готовить умеешь.

— А я и не умею: если бы не папа, он получился бы отвратительным даже с десятой попытки и мне бы пришлось купить готовый.

— Ух, мне даже как-то полегчало сейчас, честно говоря, — Окуна усмехнулась. — Это странно, но как-то приятно понимать, что ты хоть в чём-то не идеальна: это делает тебя какой-то, блин, ну не знаю, более живой, что ли, — она повернулась на бок и невольно оценивающе рассмотрела подругу с головы до пят. На ней была розовая атласная сорочка с чёрным кружевом в зоне декольте: она в любой ситуации выглядела нарядно, как будто перед фотосессией для модного журнала, но сейчас на ней не было ни миллиграмма косметики, ни густо распылённого лака, а длинные волосы были заплетены в мягкие пучки-ушки, руки к которым так и тянулись, чтобы помять.

— Да ну тебя, — увидев промелькнувшую тень нехарактерной молчаливой печали, она вспомнила, о чём хотела поговорить, и тихо сказала, — Эй, иди ко мне.

— Я в порядке, правда, — тем не менее, смуглая девушка подвинула свою подушку ближе к её футону и ниже, чтобы прислониться к её мягкой груди и положить руку на спину.

— Если ты в порядке, зачем я здесь?

— С тобой всегда лучше, чем без тебя.

Джанко стала гладить её по голове и только через несколько минут спросила:

— Ну, так зачем ты призналась какому-то почти случайному челу?

— Так это же, наверное, так классно: ходить на свидания, получать внимание, чувствовать себя любимой и нужной. Ну и, конечно, интересно, какво заниматься кое-чем другим, если ты понимаешь, о чём я.

— Капец ты дура, — сердце забилося чаще от прямолинейности. — Вот такими вещами уж точно не стоит заниматься с кем попало!

— Ну, это ты красивая, как модель, можешь хоть до тридцати выбирать кандидата: в тебя-то кто угодно влюбится без памяти, а я помру старой девой, если ничего не предприму. Я, конечно, меркну на фоне тебя и Коинэ, но вдруг кого настойчивостью возьму?

— Ой, не муди, а? Разве ты будешь счастлива с тем, кого сама не любишь? Тебе вообще хоть кто-то нравился по-настоящему?

— Да фиг его знает. Ну, некоторые парни красивые, на них приятно смотреть, как и на шикарных женщин вроде Тони, но это как-то не похоже на то, что показывают в кино и в манге. Как вообще понять, что ты любишь человека?

— Не думаю, что это великолепное и мучительное чувство можно с чем-то спутать, — она мечтательно закатила глаза, — Когда одного его присутствия достаточно, чтобы поднять твоё настроение на весь день, когда всё твоё тело так и просит прижать его к себе. Даже те вещи, которые тебя бесят в других людях, кажутся в ней... Ну, в нём... очаровательными. Когда ты делаешь что-то для него и даже не сразу замечаешь за собой, зачем так стараешься. Бабочки в животе — это такое клише, но, кажется, оно хорошо описывает это состояние, — Хигашиката говорила одно, но уединение и физическая близость уже унесли её в мир иных фантазий. Она фантазировала о взаимных ласках в некой альтернативной Вселенной, где на её чувства ответили взаимностью, потому что давно потеряла надежду и считала это невозможным в её действительности.

— Не, погоди, ты что-то путаешь, — Ниджимура трянула головой, чтобы снизить своё напряжение и не уснуть во время разговора в постыдных, но сладострастных мыслях. Она подвинулась вверх. — По твоей логике, я уже ну... — её лицо стало красным и приняло растерянное выражение. — Так это что получается? Я люблю тебя не только как подругу? — она забормотала под нос, — Я-то всё время думала, что это просто дружба, а гоморра... гормоны поутихнут, как только парня найду.

— Господи, так ты тоже?! — Джанко протрезвела от своих мечтаний, потому что они неожиданным образом стали воплощаться в реальность. От нахлынувших эмоций она заговорила громче, — Идиотка, и зачем я с лета девяноста девятого страдала от безответной любви?! Ты бы хоть какие-то признаки подала, чтобы я не мучилась так долго!

— Да откуда мне было знать-то? Я-то сама себя не понимала до этого момента. Если уж на то пошло, это ты могла что-то сделать! Я бы не оттолкнула тебя, если бы предложила поцеловаться или что-то типа того, — Окуна не заметила, как из её глаз потекли слёзы счастья, как будто она высвободилась из клетки после долгих лет заточения и расправила ослабленные крылья.

— Вот только давай без этого, а то я сама щас заплачу, — капля сверкнула в уголке глаза, она положила руку на щёку и прильнула к её губам. — Ты даже представить себе не можешь, как сильно я тебя люблю.

В течение нескольких часов они лежали в объятьях и рассказывали, как и с каких пор начали переживать притяжение. Оказалось, что для них обеих это случилось на летних каникулах, когда Джанко выписалась из больницы после битвы с Кирой Йошико. В тот роковой день они чуть не потеряли друг друга. Кажется, именно с тех пор они стали проводить вместе гораздо больше времени, но это казалось чем-то настолько естественным, что они и не заметили, что их многочисленные прогулки и ночёвки были не обычной дружбой, а проявлением взаимной глубокой романтической привязанности. Но сейчас это, как и забытое домашнее задание, было не важно, потому что они обе уснули так крепко, как никогда прежде.